

Когда финикиец попытался выпросить её о будущем, она честно ему ответила, что всё туманно, не видит она ясного будущего. И это было правдой.

Во-первых, она не знала точных дат и многих дат из истории этого времени, на уровне школьных учебников она понмила историю.

Во-вторых, она просто не доверяла датам и фактам истории – она знала историю своей Земли, она в учебники школьные смотрела, а здесь всё могло измениться, и события могли пойти свои путём, она сама их заставит пойти новым путём и что тогда? Кому нужны эти даты, если все они превратятся в фикцию?

На данный момент она знала одно: через несколько лет македонский царь умрёт, и его сын начнет воевать в Азии и тогда он придёт на Кипр. Тир он точно будет семь месяцев осаждать. А до Тира было несколько дней плавания всего.

Если она к тому времени захватит власть на острове – к ней приплывут несколько тысяч македонцев.

Опасно это.

Через четыре года молодой Македонский двинется в поход.

Через шесть лет – он будет штурмовать Тир. Потом быстро захватит Вавилон и начнёт устанавливать порядок в Азии, пока не отправится в поход на Индию. Там ему зубки обломают, и вернется он в Вавилон, где и умрет в июне триста двадцать третьего года до новой эры. И не будет ему даже тридцати трех лет.

Знание будущего – страшное оружие. Но у неё было наготове и другое оружие – страшное, ужасное оружие она могла сделать – вот только кто им воевать будет?

Давать горшочки с взрывчаткой и арбалеты в руки взбалмошным юнцам? Ага, как же! Ищите дуру. Сами себя угробят. Что делать?

Настя не знала. Вариант с наёмниками был грязным.

Мерзко это – всяких болванов использовать как пушечное мясо, чтобы убивать других болванов. Мозги запудрить паре командиров отряда она сможет – дай её сейчас триста спартанцев с царём Леонидом, она ему быстро мозги с порошком вымоет. Как миленький тут шороху наведёт – все эти отрядики по городкам на котлеты настрогают эти спартанцы беспредельщики.

Может так и сделать? Настя сидела и спрашивала у себя, у моря, и не могла найти ответ.

Ответ дал Кадм. Вот ведь вредный финик! Подошёл, присел рядом и сказал интересное:

- Сколько у тебя времени для мира, Стасиона? Сколько времени ты готова дать этому острову?

- Лет семь, – честно ответила Настя.

Она одно решила точно: пусть Эллада и Азия ослабят друг друга. Пусть Коринфский союз разгромит Персию. А вот потом, когда Андрей Македонский двинется в поход на Индию – можно и ударить по новым хозяевам Кипра. А можно делами своими заниматься, и затаиться до смерти великого македонца и начать действовать с развалом его империи.

Но страшно было Насте.

Опасен был не сам македонец, опасно было торжество его идей, которые были противны Анастасии Звягинцевой.

Если эти эллинские премудрости и извращения докажут свою жизнеспособность копьями македонской фаланги, если они на века расползутся по всей этой части цивилизованного мира – всё!

Эллада станет колыбелью Европейского мышления. А в этом образе жизни не всё устраивало Звягинцеву, были вещи против которых она была готова выступить и биться за своё насмерть, против любых Македонских.

- Семь лет, – улыбнулся Кадм.

Он встал напротив неё, заслонил солнце и заговорил голосом негромким, но слова его падали полновесными монетами, ценными звучали и интересными:

- Мои предки дошли до края мира. Ты знаешь это. Ты знаешь и то, что за краем этого мира. Никому нельзя верить.

Но за семь лет мы можем очистить наше золото. Обменять его на то, что навсегда станет нашим.

Великий Новый город, Карт-хадаст пятьсот лет назад основала финикийская царица. Стасиона, ты должна основать свой город. Ты знаешь, где ему место. И мы купим рабов. Совсем маленьких рабов. И ты воспитаешь себе верных. Семь лет для этого вполне достаточно. Спартанцы могут. Мы сможем.

- Постой, Кадм. Картахадаст - это Карфаген что ли?

- Эллины называют Кархигоном, - поправил её знания Кадм.

- Вау! Карфаген крутой! «Должен быть разрушен», он с римлянами долго мутузился, - Настя заметила перемену лица у собеседника и сразу его успокоила. - Да ты не беспокойся! Сколько тебе говорить, не вижу я ясного будущего! Мне видно самое простое, самое возможное, но люди - они такие люди! Вот тебе пряник за идею. Думай мой верный Ришелье!

Хотя ты больше на лысого Берию похож, только без пенсне. Не парься!

Через два года может умереть Филипп Македонский, который сейчас планирует зачем-то поход на персов. Вся Эллада его хочет поддержать в этом походе. Когда его юный сын станет главным и что он навоюет по молодости - ты можешь представить.

- Этими докладами о планах эллинов пойти в поход на Ахеменидов завалены все корабли, плывущие на восток из Эллады, - рассмеялся финикиец.

Но Настя не повелась! Увидела, что Кадм с интересом принял предсказание, и принялся что-то там соображать. А она в свою очередь задумалась над его словами.

Противно! Вот ведь совсем без совести человек этот Македонский, грязное животное! Детей использовать! Хотя... какие он дети? Рабы. Получат свободу.

Спартанские малыши, которых старики не сбрасывали в море младенцами, в семь лет поступали в свои школы-лагеря. «300 спартанцев» фильм не интересный, но полезный, все его видели - не всё же учебники учить. А в итоге... выращивались лучшие воны этого мира.

- Сколько стоит раб? Ребенок, - уточнила она у знатока.

Кадм чуть наклонил голову и взглянул на неё совершенно серьезными глазами прирожденного торгаша:

- Раб стоит двести драхм. Ребенок ничего не стоит, пока не может работать. Цена жизни разная, Стасиона. Иногда приходится платить за жизнь раба жизнью друга.

- Это как?

- Можно захватить раба, в бою, где погибнет твой друг - совершенно спокойно пояснил очевидное финикиец.

- Можно тебе яйца оторвать, сволочь лысая, - Настя тоже была совершенно серьезна. - Ещё

раз услышу подобное - обижусь.

И вот тогда он её удивил. Ей было неприятно его слушать, словно тошнота закипала внутри и поднималась горечью ко рту. Слова старого финикийца были словами пирата, жесткого и жестокого морехода:

- Я не предлагал захватывать свободных для продажи. Я твой раб. И ты вся моя скоро станешь. Это твои слова, мать моего внука. Я готов пойти на это, сделать это. Мы с тобой особые рабы, Стасиона, мы рабы нашей судьбы. И кто против? И не трогай мои бубенчики, - он на всякий случай сделал шаг назад. - Не надо отрывать мне яйца!.

- Идиот, - сделала вывод Настя.

Сколько же дерьма кругом! И неужели надо возиться со всей этой гадостью, если хочешь чистоту навести? И какой там болван радовался: «Хорошо быть королём!»

Молодой Македонский не зря убежал от всех этих забот, и предпочитал до смерти играть в солдатики.

- Тебе золота жалко, - спросила она у свёкра.

- Нет, - совершенно честно и незамедлительно воскликнул Кадм. - Стаси, у меня нет золота. Это у тебя золото. Наше. Общее. И чужое. Я запомнил твои слова. Надо очистить его. Обменять на вечно своё, родное. Это поразительно, это божественно. Но я немного оставлю часть золота нашего рода в делах Вавилона и Тира. Прости, но там века уже всё так запутано. Ничего не понятно.

- Как это так? Ты сейчас о чём?

- Стаси, мы не перед «трапезой» стоим, столиком, на котором базарный мелкий меняла деньги обменивает и под залог выдаёт. Прошли эти года, мои предки сами были трапезиты, как их эллины назвали. Это мы учили эллинов с деньгами дело иметь. Сложно всё.

- Ладно, сообразила. Кадм, не надо корчить из себя Джека-воробья. Великий пират, легенда! Не надо. И без того дел полно будет. Я боюсь думать о том, что ты мне сказал. Про детей.

- Оставь сердце в покое, Стасиона. Останови бег крови. Это сделка. Это дело не матери, но царицы, - попытался её убедить Кадм.

- Вот уж фигурки тебе, болван меркантильный. Вот точно двину тебе по бубенчикам, Фантомас бледнолицый! Как только речь касается ребенка - никакая царица, никакая мать и никакая женщина не решает. Только вместе с мужчиной, вместе с царем, вместе с супругом. Я с Герой Эллинской говорила! Она не против, - внезапно вырвалось признание у Звягинцевой.

И Кадм изменился в лице. Потом упал на колени и закричал на неё:

- Да что ты за существо такое! Принесенная северным ветрам. Ты говоришь с Великой девой, супругой и матерью. Зачем ты говоришь со мной! Зачем я слышал эти слова, несчастный, - он вскочил и выговорился на прощанье. - Злая ты, уйду я от тебя.

И он убежал. А Настя сидела и не могла врубиться: он ненормальный? Чего так метаться-то? Ну, было дело, с кем не бывает.

Во времена Трои там всюду боги шутили среди людей. В это время на полном серьёзе все воспринимали слова матери Александра, что он сын Зевса! Не кричали об этом на всех углах, но и её никто не попрекнул за выдумки, да какие выдумки – за такие фантазии её Филипп имел полное право придушить. А вот ничего подобного – все тихо себе знали – царицу Македонскую великий Зевс почтил вниманием.

Недавно же было такое? Парню восемнадцать лет всего. Или на этой Земле про Андрея Македонского не ходят такие слухи?

Да в этом мире гигантская куча всего разного! Тем он и хорош!

<http://tl.rulate.ru/book/98296/3325830>